

Судьба коммунистического идеала образования

1.

В течение пятнадцати лет существования советской власти основные задачи школьной политики Коммунистической Партии испытали по крайней мере пять превращений. В период военного коммунизма (1917-1922) господствовала идея так называемого «политехнизма», которая многим казалась не чем иным, как крайним выводом из демократической педагогики. Для радикальных педагогов всех стран, в особенности же стран «буржуазных», этот первоначальный коммунистический идеал образования до сих пор еще не утратил своей ослепляющей силы и придает тяжелую действительность советской школе. Между тем уже в период Нэпа идеал политехнически развитой личности, свободно проявляющей себя в условиях безклассового общества, был отнесен на задний план идеалом «борца за интересы пролетариата», твердо усвоившего марксистское мировоззрение и те знания, которые необходимы «красному спецу». К концу Нэпа (1926-1927) однако и этот идеал «классового профессионализма» уже поблек и выдохся, и школьная политика советской власти приобретает черты безпринципного оппортунизма, приводящего к восстановлению отдельных элементов старой школы. Замечательно, что именно эти годы «новой культурной политики» оказываются наиболее благоприятными для реального школьного строительства. Русская школа оправляется от пережитых потрясений, восстанавливается и количественно и качественно, вступает даже в полосу медленного, но устойчивого подъема и количественного роста. С уничтожением «правой оппозиции» в 1929 году и превращением «пятилетки» из плана хозяйственного и культурного строительства в программу и знамя воинствующего коммунизма, процесс

этот вновь прерывается: реальный подъем и количественный рост школы уступают место бешеной скачке «темпов», ведущей к новому разрушению организма русской школы, и одновременно вспыхивает вновь с усугубленной силой коммунистический идеал образования, на этот раз в виде идеи полного «слияния школы с производством», в котором встречаются вместе элементы как первой, «политехнической», так и второй, «классово-профессиональной», фазы коммунистического идеала образования. Но и эта последняя вспышка коммунизма в школьной политике советской власти оказывается недолговечной: В 1931 году происходит разгром «левой оппозиции» на фронте просвещения, и победа «генеральной линии» в области педагогики приводит к новой реставрации старой школы, еще более беспринципной и более откровенной, чем та, которая характеризовала «новую культурную политику» последних лет Ивана.

Уже из этого краткого обзора судьбы коммунистического идеала образования явствует основная присущая ему черта: Он не только оказался неприменимым к действительности, но и сам по себе оказался до чрезвычайности текучим, многоликим и неустойчивым. Общая присущая коммунизму отрицательность явилась для него особенно губительной. Он не только не мог создать ничего положительного, но сам оказался разъемным своей внутренней отрицательностью. ¹⁾

¹⁾ В настоящей статье я пытаюсь лишь дать общую характеристику тех фаз превращений, которые прошли в своем развитии коммунистический идеал образования и школьная политика советской власти. Фактического положения русской школы за 15 лет существования советской власти я здесь касаюсь лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания этих превращений. Что касается фактической стороны вопроса, я позволяю себе отослать читателя к другим статьям. 1) Десять лет советской школы (Русская Школа за рубежом, № 28); 2) Школьная политика советской власти за 1927-1930 г.г. (там же, № 34); 3) Пятилетка и школьная политика советской власти (Новый Град, № 1); 4) Итоги культурной пятилетки (Советская Застава, № 51), из которых первые две написаны мною совместно с Н. Новожиловым. Подробности см. в моей (совместно с Н. Ганцом написанной) книге Educational Policy in Soviet Russia (London, 1930), в только что вышедшем немецком издании которой (Fünfzehn Jahre Sowjet-Schulwesen, 1933) изложение доведено до июня 1932 года.

В самом началѣ эта внутренняя отрицательность коммунистическаго идеала образованія еще прикрывается личиною ничѣм не ограниченной свободы. Вѣдь, только что сам Ленин в своей вышедшей наканунѣ Октябрьской революціи книгѣ («Государство и Революція») счел нужным подчеркнуть совершенное тождество коммунистическаго идеала с анархизмом. В коммунистическом обществѣ, утверждал он, вмѣстѣ с дѣленіем на классы отомрет не только государство, но и право, а значит и всякая власть человѣка над человѣком. Мѣсто послѣдней займет власть человѣка над природой, неограниченность которой и составит подлинную свободу человѣка, свободу реальную, а не ту мнимую, формальную свободу, которая в буржуазном обществѣ прикрывает собою самую злѣйшую эксплуатацію. Неудивительно, что и совѣтская педагогика эпохи военнаго коммунизма, вѣрившая в скорое наступленіе коммунистическаго рая, выдвигала анархическій идеал всесторонне развитой человѣческой личности, ничѣм не связанной, никѣм не насиуемой, пользующейся почти неограниченной свободой. «Высшей цѣнностью в социалистической культурѣ останется личность», читаем мы в «Основных принципах единой трудовой школы» 1918 года. Чтобы она могла «развернуть со всей возможной роскошью свои задатки», ея нельзя «урѣзывать, обманывать и отливать в насильственные формы». Трудовая школа означает прежде всего поэтому школу активную. «Трудовой принцип сводится к активному, подвижному, творческому знакомству с міром». Но социалистическое общество есть «единая фабрика», в которой эксплуатація человѣка человѣком замѣнена эксплуатаціей объединенным человѣчеством земнаго шара. Школа поэтому должна воспитать этого будущаго «властелина природы». «Цѣль трудовой школы отнюдь не дрессировка для того или другаго ремесла, а политехническое образованіе, дающее дѣтям на практикѣ знакомство с методами важнѣйших форм труда, частью в учебной мастерской или на школьной фермѣ, частью на фабриках, заводах и т. п.». Политехническая школа в этом смыслѣ преодолевает противо-

положность умственного и физического труда, единство ее отражает единство социального строения безклассового коммунистического общества, в котором все будут управителями и управляемыми, руководителями труда и его исполнителями. Вместе с тем школа будет составлять одно с жизнью, она будет составною частью производственного процесса, наука будет вырастать из производства и его вдохновлять. Школа будет самоуправляющеюся общиной учащихся, учитель — старшим товарищем учащихся, а учебник заменен справочными пособиями и библиотекой. Учителя будут составлять свободные группы по разным предметам, классы — заменены «клубами» и «кружками» учащихся.

Вполнѣ понятно, что этот идеал «политехнического» и вместе с тем абсолютно свободного воспитания представлялся защитникам буржуазной радикальной педагогики крайним выводом из их собственных вождельний. Они видели в нем утопию, но утопию родственную им по духу, и искренне завидовали тому «интереснѣйшему эксперименту», который производился в невиданном доселѣ масштабѣ на «одной шестой части земного шара». Да и самые представители марксистской педагогики, как, например, Н. Крупская, считали себя продолжателями и крайними выразителями демократической педагогики, до конца осуществляющими то, пред чѣм другие останавливались на полпути: полная независимость каждого отдѣльнаго учащагося, каждого отдѣльнаго учащаго, каждой отдѣльной школы, отсутствіе какого бы то ни было начальства и внутри школы и над школой, равенство полов, равенство вѣроисповѣданій, — все это были только крайніе выводы тѣх требованій, которыя искони воодушевляли представителей и русской и заграничной демократической педагогики. Теперь мы знаем, что эта утопія оказалась безсильной создать что-либо положительное, что она, по свидѣтельству самих совѣтских педагогов послѣдующаго періода, «привела только к разрушенію школы», и без того подорванной в своем существованіи страшными условіями жизни военного коммунизма. Сила ее оказалась взрывчатою силой, абстрактность обернулась разрушеніем.

Когда, с началом Нэпа, пришлось приступить к положительной, созидательной работе, сама советская педагогика, как известно, отказалась от своего первоначального идеала и заменила его новым, с виду ему прямо противоположным. Марксистски эта новая фаза коммунистического идеала образования обосновывалась тем, что периоду окончательного, «интегрального» коммунизма предшествует в настоящее время «переходный период» пролетарской диктатуры, обостренной классовой борьбы, главным орудием которой является завоеванное партией государство. Государству нужна «квалифицированная рабочая сила», а Партии — «смѣна», и эти два цѣли определяют собою содержание второй фазы коммунистического идеала образования. На первый взгляд, эта вторая фаза коммунистического идеала образования представляет собою прямую противоположность первой. Общедоступность школы замѣнена здесь принципом «классового отбора». Самой школе ставится задача не проявления личности «со всей возможной роскошью ее задатков», а подчинения личности цѣлям Партии и цѣлям Государства. Идеал «коммунистически-профессионального» образования вытѣсняет идеал образования «политехнического». Единая школа вырождается в школу, готовящую рабочую силу разной квалификации в мѣру «заявок» на нее со стороны хозяйственных и других органов государства. Активная школа вырождается в школу, имѣющую цѣлью «внѣдрить» коммунистическое мировоззрѣніе в головы учащихся. «Труд» совпадает с марксистской теоріей классовой борьбы, которая приобретает значеніе монополярнаго вѣроисповѣданія. Самоуправление учащихся становится добычей коммунистических организаций молодежи, и каждая отдѣльная школа подчиняется мелочному бюрократическому надзору коммунистического начальства. С помощью «комплекснаго метода» буржуазные предметы старой школы замѣняются стройно разработанной системой коммунистическаго знанія, в которой всѣ «навыки» и всѣ «свѣдѣнія» сосредоточиваются вокруг марксистской идеи «производственныхъ отношеній», как своего основнаго «стержня».

Однако, если ближе присмотреться к этим объектам фазам коммунистического идеала, то связь между ними становится очевидной. Абстрактный характер первоначальной утопии, провозглашавшей свободу как окончательное отрицание каких бы то ни было связей и совершенное растворение школы в «жизни», проявил во второй фазе коммунистического идеала свою чисто отрицательную сущность. Отрицание, первоначально прикрывшееся еще маской отвлеченной свободы, во второй фазе конденсировалось, стало самими собой, явило себя в своем собственном виде, подтвердив этим лишней раз гегелевскую мысль о том, что отрицание есть жизненный нерв абстракции. Сравнивая внимательно теории советских педагогов первого и второго периода, нетрудно проследить звенья этого перехода абстрактной свободы в отрицание. Уже у Блонского «жизнь», с которой должна слиться школа, оказывается не конкретной, реальной жизнью, фактически окружающей ребенка, а будущей жизнью индустриализованного общества, полностью осуществившего в себя технической и социальной идеал коммунизма. Этому отвлеченному идеалу приносятся в жертву конкретные интересы ребенка и самая его личность, в результате чего уже у Блонского «труд» перестает быть активностью ребенка и вырождается в «идею труда» как ее понимает марксизм, и задача образования заключается в том, чтобы ребенок хотя бы чисто пассивно усвоил эту отвлеченную идею труда, т.-е. стал убежденным коммунистом, а не активным деятелем этого, сейчас еще только «мелкобуржуазного», мира. Школа должна воспитать борца за будущий мир, а не активного деятеля мира, сейчас существующего. Будущее поглощает здесь без остатка настоящее, настоящее не имеет собственной цены и есть только «удобрение для будущей гармонии».

Единственным носителем этого будущего является в настоящее время Коммунистическая Партия и завоеванное ею государство, которое, прежде чем отмереть, должно, в переходную эпоху диктатуры пролетариата, дойти до крайнего напряжения своей мощи. Задача школы и заключается в том, чтобы подготовить для Партии «смыну», а для государства — «квалифицированную рабочую силу». Гринько и Ряппо, которым принадлежит одно из первых обоснований этой второй — «про-

фессіоналістской» — фазы совѣтской школьной политики, пользуются при этом той же самой марксистской идеей «слиянія школы с производством», что и их «политехническіе» предшественники — Крупская и Блонскій. Достаточно было им применить эту идею, которую «политехнисты» развили применительно к отдѣльной школѣ, к школьной системѣ в цѣлом, чтобы прійти к внѣшне прямо противоположным результатам. Трудовая школа, говорили Крупская и Блонскій, означает полное слияніе обученія с производством. Она не учит отдѣльным предметам, а приобщает будущаго «властелина природы» ко всѣм основным сторонам производственного процесса, осуществляя в этом смыслѣ политехническое образованіе. Она отрицает дуализм умственного и физического труда и является школой единой в подлинном и полном смыслѣ этого слова. Вся школьная система в цѣлом, утверждают Гринько и Рянпо, должна стать составной частью «производственного процесса». Так называемая якобы «автономная наука» есть в дѣйствительности не что иное, как «идеологическая надстройка» над производственными отношеніями и, стало-быть, только орудіе классової борьбы. Дуализм школы и производства есть только отраженіе дуализма классов, отличающаго капиталистическое общество. В коммунистическом обществѣ дуализм этот исчезает, и вмѣстѣ с классовым дуализмом исчезает необходимо и различіе между «идеологіей» и «производством». «Идеологія» становится явно тѣм, чѣм она, в скрытой формѣ, всегда была и в капиталистическом обществѣ — орудіем и отраженіем производственного процесса. Поэтому отдѣльныя школы должны быть распределены между отдѣльными отраслями производства, для которых онѣ поставляют квалифицированную рабочую силу, и которых «цехами» онѣ являются.

Мы видим: как ни противоположны выводы, вытекающие для реальной школьной политики из обѣих фаз коммунистическаго идеала образованія, обѣ эти фазы вырастают из одного и того же корня. Корнем этим является марксизм с присущим ему отрицаніем автономіи духа, понимаемаго как простая ирреальная «надстройка» над единственно реальной «базой» производственных отношеній. В эпоху военнаго коммунизма «диктатуру пролетаріата» мыслили еще как короткій пе-

рюд господства подавляющаго большинства народа, и социализма — как исполненіе демократіи. Когда «диктатура пролетаріата» обнаружила свою затяжную природу, и мѣсто «интегральнаго коммунизма», отошедшаго в неопредѣленное будущее, заняли его реальные носители в настоящем — Партія и завоеванное ею государство, — тогда вѣра в таинственную силу отрицанія, котораго, казалось, достаточно для того, чтобы из него само собою родилось счастливое общество будущаго, сбросила с себя прикрывавшую ее личину отвлеченной свободы. В эпоху Нэпа отрицаніе окопалось на завоеванных им «командных высотах» диктатуры, притаилось, как «передышка» революціи, которую надо использовать для того, чтобы воспитать вѣрных слуг новаго революціоннаго наступленія. Исчерпав свою взрывчатую силу, оно начало копить силы для новаго, еще болѣе грознаго разрушенія.

В соотвѣтствіи с этим измѣнился и характер носителей и жопутчиков совѣтской школьной политики. На мѣсто мечтателей-проекторов, непризнанных новаторов, приверженцев радикальных теорій в атмосферѣ реальной, а не мнимой свободы и подлинной демократіи, выступили на сцену расчетливые дѣльцы, послушные чиновники, озлобленные неудачники былого времени. Злость и ненависть, административный восторг, бездушный карьеризм заступили мѣсто первоначальнаго оптимизма и наивнаго энтузіазма перваго времени. Замысел растворить школу в жизни смѣнился попыткой «скрутить» школу, превратить ее в простое орудіе политики Партіи.

Неудача этой попытки крайняго политизированія школы и образованія сказалась с особенною яркостью в годы расцвѣта Нэпа. Саморазрушеніе «комплекса», этой попытки замѣнить старые «буржуазные» предметы новой системой марксистскаго міровоззрѣнія, и безуспѣшность «классоваго отбора», оказавшагося безсильным сколько-нибудь значительно поднять «пролетарское ядро» в высших учебных заведеніях и техникумах, явились наиболѣе характерными симптомами общаго крушенія школьной политики совѣтской власти втораго періода. Оказавшись безсильными утвердиться в школьной дѣйствительности, учебные планы и программы 1923 года только окончательно разложили школьное преподаваніе, и уже к концу 1926

года совѣтская власть вынуждена была официально признать неудачу своей школьной политики и отказаться от коммунистическаго идеала образования, как он был формулирован в 1921-1923 г.г. Безсистемное возстановленіе элементов старой школы и ничѣм неприкрытый оппортунизм явились, как извѣстно, результатом наступившаго разочарованія, и они опредѣлили собою политику послѣдних лѣтъ Нэпа. Марксистское отрицаніе идеальной законмѣрности науки и школы, пониманіе ея как простой ирреальной «надстройки» над производственными отношеніями оказалось утопией. Оказалось, что идеальная законмѣрности в мірѣ царствуют с непреложностью, не уступающей необходимости реальных законов природы. И как нельзя безнаказанно нарушать эти послѣдніе, точно так же не проходит даром утопическій бунт против идеальных законмѣрностей міра. Разрушительная сила, которую вторично только и удалось развить коммунистическому идеалу образования, являлась лучшим свидѣтельством того, что об идеальную законмѣрность міра можно ушибиться не в меньшей мѣрѣ, чѣм о физическіе законы вещества.

4.

Это отступленіе совѣтской власти на фронтъ просвѣщенія является одним из возвышеннѣйших зрѣлищ эпохи Русской Революціи. Государственная власть, надѣленная всѣми средствами физическаго принужденія и не стѣсняющаяся ничѣм в примѣненіи этих средств, вынуждена была отступить перед внутренней законмѣрностью идеальных сущностей міра. Вочію обнаружилось, что дух имѣет свои собственные законы, игнорированіе которых не проходит безнаказанно, и что он только ограничивается, умаляется и искажается матеріей, но отнюдь не порождается ею. Было бы однако неправильно считать, что законы духа дѣйствуют сами по себѣ, так же автоматически, как законы вещества. Игнорированіе их вело автоматически к разрушенію школы, но не автоматически дѣйствовали они, поскольку русская школа в послѣдніе годы Нэпа обнаружила тенденцію к быстрому возстановленію и явному органическому росту. Чтобы осуществляться в исторической дѣй-

ствительности, идеальные законы духа, царствующие в этом мірѣ, нуждаются в людях, которые своей творческой волей помогают им осуществиться в дѣйствительности, — превосходный примѣръ того, что человекъ является помощником и пособником Бога в этом мірѣ.

Сами совѣтскіе источники говорят о том, что 1925 годъ явился переломнымъ годомъ в жизни русской школы. С этого именно года она вступаетъ в полосу органическаго, хотя и медленнаго, роста, постепенно повышается и качество школы, начинается возстановительный процесс. Чѣмъ болѣе удаляется в неопредѣленное будущее и блекнетъ коммунистическій идеалъ образованія, тѣмъ успѣшнѣе идетъ мелкая, будничная работа возстановленія школы, количественнаго расширенія ея сѣти и качественного поднятія ея уровня.

Кто же явился в эти годы коммунистическаго безвременья реальнымъ носителемъ идеальныхъ законовъ духа, выразителемъ и пособникомъ образовательныхъ цѣнностей? Факторы, которые содѣйствовали этому подъему русской школы, были многообразны. Университетская традиція была поддержана вліятельнымъ в эпоху Нэпа социальнымъ слоемъ, т. наз. «хозяйственниковъ», среди которыхъ руководящую роль играли инженеры, а часто и промышленники, вскормленные еще старымъ режимомъ. Всѣ эти завѣдующіе совѣтскими фабриками, заводами и предприятиями требовали отъ школы не столько «коммунистической смѣлости», сколько хорошо подготовленныхъ «спецовъ», необходимыхъ имъ для хозяйственнаго строительства. Точно такъ же и крестьянство, пробужденное революціей и начавшее укрѣплять свое хозяйство согласно завѣтамъ ленинскаго Нэпа, требовало отъ школы прежде всего элементарной грамотности и практическихъ навыковъ. Не разъ заставляли крестьяне учителя, под угрозой лишенія школы топлива и учащихся, отказаться отъ примѣненія всякихъ новыхъ методовъ в пользу болѣе успѣшнаго обученія дѣтей счету и письму. В качествѣ третьяго фактора выступили національности. Интеллигенція національныхъ меньшинствъ, согласившаяся на сотрудничество с совѣтской властью, тоже менѣе всего думала о воспитаніи дѣтей в коммунистическомъ духѣ, но старалась использовать представившійся ей моментъ возможно шире для образованія своей молодежи в духѣ своей соб-

ственной национальной традиции. Нельзя, наконец, забывать, в-четвертых, и роли старого учительства в эпоху Нэпа. В 1926 году старое учительство составляло еще около двух третей всего числа учителей советской школы. И хотя в 1925 году оно формально признало советскую власть, примирение это было неискренним и поверхностным. Больше всего страдали учителя от «сдерганья», как сам Рыков назвал в 1926 году методические эксперименты Наркомпроса. Всюду, где только можно, учителя старались применять привычные им методы работы, к чему побуждал их и здравый смысл и инерция педагогической деятельности. Замечательно, что все эти факторы, вскормленные старым режимом, но и неустанно боровшиеся против него, в эпоху Нэпа окрѣпли и явились носителями той школьной реставрации, которая, к вящему неудовольствию лѣвой оппозиции внутри коммунистической партии, обозначилась в последние годы Нэпа с такой определенностью. Разумеется, это не была реставрация старой «царистской» школы, но это был отказ от школы коммунистической, отказ вообще от какой бы то ни было принципиальности в педагогикѣ, и на почвѣ этой торжествующей безпринципности сами собой возрождались старые привычные методы и отдѣльные обломки того, что можно назвать педагогической традицией.

Этот период стабилизации длился однако недолго. Хозяйственники, крестьянство, национальные меньшинства и учительство — эти положительные силы русской школы — оказались бессильными оградить ее от нового натиска воинствующего коммунизма. Коммунистическая реакция наступила осенью 1929 года как необходимое слѣдствие начатаго Сталиным нового курса советской политики, рѣзкаго поворота ее к «стопроцентному коммунизму», тѣсно связаннаго с «пятилѣтним планом индустриализации». «Пятилѣтка» означает возвращение курса советской политики от Нэпа к коммунизму — в полном соответствии с известными словами Ленина, сказанными им при введении Нэпа: «Мы сейчас отступаем, но только для того, чтобы, отступив, разбѣжаться для болѣе сильнаго скачка вперед».

Школьная политика совѣтской власти эпохи пятилѣтки была мною уже описана на страницах «Новаго Града» (№ 1). Всѣ основныя черты коммунистическаго идеала образованія получаютъ в ней свое новое и яркое выраженіе. Разгромъ «правой оппозиціи» в 1929 году привелъ к превращенію «культурной пятилѣтки» из реального плана культурнаго строительства, составленнаго на основѣ опыта послѣднихъ лѣтъ Нэпа и продолжавшаго развитіе этихъ лѣтъ, в программу новаго наступленія воинствующаго коммунизма и к новой попыткѣ осуществленія коммунистическаго идеала образованія. В этой новой, третьей, фазѣ его развитія сливаются воедино «политехнизмъ» первой фазы и «профессіонализмъ» второй. «Культурноходъ» пытается осуществить полную общедоступность школы, — на этотъ раз путемъ своеобразнаго элиминированія времени, какъ фактора духовнаго развитія. Время, казалось бы, не существуетъ для этихъ энтузіастовъ просвѣщенія, палкой загоняющихъ непокорный народъ в «ликпункты», школы и дѣтскіе сады, число которыхъ растетъ фантастическимъ образомъ в сводкахъ «Генштаба Культурреволюціи», какъ именуется себя воеизурованный Наркомпрос. За одинъ только годъ удается ликвидировать миллионы безграмотныхъ и ошколить количество дѣтей, превышающее число всѣхъ школьниковъ буржуазной Франціи. Вновь оживаетъ идеалъ полнаго сліянія школы с производствомъ: школа объявляется «производственнымъ цехомъ предпріятія». Снова отмѣняются такіе устои старой школы, какъ «урокъ», «учебникъ», отдѣльные «учебные предметы» и «павыки». Лекціи замѣняются в высшихъ учебныхъ заведеніяхъ «бригадными» занятіями, «производственная практика» торжествуетъ надъ «теоріей», и даже в начальной школѣ «общеобразовательная работа» подчиняется «общественно-полезному и производственному труду» учащихся. Самая грамотность понимается какъ «грамотность, в первую очередь политическая», а не «безошибочность в письмѣ». Провозглашается теорія «отмиранія школы» в коммунистическомъ обществѣ, — процессъ, предваряющій собою ожидаемое отмираніе в немъ государства и права. «Комплексъ», казалось бы, со-

вершено погребенный в последние годы Нэпа, возрождается вновь в усугубленном виде «метода проектов», пытающегося сосредоточить всю «учебу» вокруг тем «социалистического строительства», коего непосредственными участниками должны отныне стать все студенты вузов, все школьники и даже младенцы детских садов. Близким советам кажется то время, когда школа не будет нуждаться в особом, «автономном» бюджете, а будет содержать себя сама — из прибылей предприятий, коих «производственным цехом» она стала, студенты же не будут нуждаться ни в каких стипендиях, а будут содержать себя сами — на заработную плату за свою «производственную практику». Вместе с классовыми различиями и противоположностью города и деревни, казалось, отомрет советам и противоположность умственного и физического труда.

В этой новой эсхатологии нет уже и следа былого оптимизма, что все образуется само собою, и что диктатура есть чуть ли не та же самая демократия, доведенная до крайних своих пределов. Опыт революции разделил то, что мирно уживалось вместе в дореволюционном марксизме. Сам марксизм испытал превращение, которое не усилило его основоположникам. Разгром «правой оппозиции» прошел под знаком такого истолкования марксизма, которое поставило классический марксизм на голову. Марксово учение о том, что идеологическая надстройка определяется хозяйственным базисом, имеет, оказывается, значение только для буржуазного общества. В коммунистическом государстве, наоборот, идеология определяет все остальное, в том числе и производственные отношения. Под покровом этого превращения экономического материализма в идеократию, окончательно сбросившую с себя первоначальную личину отвлеченной свободы, в политехнический идеал образования и проникли элементы профессионализма второй фазы советской педагогики. Вместо «всей роскоши», с которой свободная человеческая личность всесторонне («политехнически») развивает свои задатки, речь идет сейчас снова о том, чтобы сделать образование орудием всемирной революции, а личность учащегося — средством Партии и государства. «Классовый отбор» усугубляется до классового набора, до мобилизации пролетарского молодняка для штурма командных высот образова-

нія. Усугубляється і професіоналізація до повного розтворення школи в виробництві. Школа втрачає не тільки свою автономію, але і своє самостійне існування, що проявляється в отнятті вищих навчальних закладів у Наркомпроса і передачі їх господарським органам управління. Університети упраздняються і в РСФСР, розбиваються на багато інститутів вузької спеціальності, які мають на меті поставити державі «кваліфіковану робочу силу» («інженерів з простокваши»), як їх, спустя три роки, стане обзивати со-
в'єтська преса, ізд'яючися зараз над «карликовими вуз-
ми», створеними в результаті перемоги крайнього професіоналізму). Але головний відбиток школьної політики сов'єтської влади епохи п'ятиріччя надає «воєнізація» школи, включаюча школу одночасно і в воєнний апарат країни, так що первісна мета виховання борця за ідеали пролетаріату усугубляється до мети виховання воїна Червоної Армії.

Неудивительно, що ця нова сплишка комуністического ідеала освіти, з'єднавши в собі всі ті сили отримання, які були в обох попередніх фазах його розвитку, обернулася в дійсності ще більш сильним розрушенням. В завдання цієї статті не входить описання ітогов культурної п'ятиріччя (см. мою статтю під цим заглавієм в № 51 «Современных Записок»). Отмічу тільки, що фантастический кількісний ріст школи привів до такого чудовищному зниженню її якості, що сама сов'єтська влада була потрясена виявленими результатами. Перегружені школьні приміщення і чотири і п'ять класів, наводнені школи учителями-«краткосрочниками», тільки що окончившими ту саму школу, в якій вони повинні викладати, привело до такого розжирення школи, що вона втратила майже всі ті риси, які, згідно з «буржуазними» представленнями, прийнято зв'язувати з самим поняттям школи. Кількість не тільки не породила якості, але, навпаки, марксистської діалектики, його повністю поглинуло. «Метод проектів», отримана з підручника, виробнича робота і інші новшества останньої сплишки марксистської педагогіки ще більш погіршили діло, повністю збив з шляху нове, але грамотне вчителя, повністю втрачено в тонкостях марксистської схо-

качеством количество поглотило и педагогику, в том числѣ и коммунистическую. Русская школа, оправившаяся за послѣдніе годы Нэла, начала явно отмирать, хотя и в совѣтѣм ином смыслѣ, чѣм это полагалось по теоріи третьей фазы коммунистическаго идеала образованія.

6.

Вторично, и с еще большей силой, чѣм в первые годы Нэла, совѣтская власть, на этот раз во всеоружіи своей физической мощи, ушиблась о реальность автономных законов духа и оказалась вынужденной отступить пред идеальной самозаконностью образованія. И это отступление оказалось настолько же болѣе сильным, насколько большим был разгон того натиска, с которым Коммунистическая Партія ринулась на штурм командных высот образованія, и насколько послѣдовательнѣе и прямѣе было отрицаніе автономіи образованія и законов, им управляющих. Разгром «лѣвой оппозиціи» послѣдовал в 1931 году. Безстыдство, с которым «выпрямленная» генеральная линія Партіи обрушилась на все то, что только два года тому назад было провозглашено самым существом коммунистическаго идеала образованія, может быть сравнено только с тѣм угодливым страхом, с которым совѣтскіе педагоги даже самаго крушнаго калибра поспѣшили отречься от заблужденій, вчера только ими усердно защищавшихся.

Я не могу входить здѣсь в подробности той поучительной «борьбы за качество школы», которая послѣдовала за этим разгромом (см. статью мою в № 51 «Современных Записок»). Скажу только, что она заключалась в послѣдовательной и на этот раз уже ничѣм не прикрытой реставраціи элементов старой школы. Запрещеніе метода проектов и всѣх вообще «так называемых активных методов преподаванія», сокращеніе до минимума «общественной» работы учащихся, почти совершенная отмѣна самоуправленія учащихся столь же характерны для этой реставраціи, как и возстановленіе урока как «основной формы организациі учебной работы в школѣ», отдѣльных учебных предметов, учебника, отмѣток, ежегодных экзаменов, авторитета учителя, дисциплины, опирающейся на наказанія

идеть до исключения из школы, а в высшей школѣ — университетов, лекцій, экзаменов, даже ученых степеней и т. п. Выстъ с утверженіем, что наука в университетѣ не может быть «растворена» в производствѣ, и что «теорія» должна имѣть преимущество над «производственной практикой», выставляется сейчас положеніе, что даже во время второй пятилѣтки, т.-е. послѣ совершеннаго упраздненія дѣленія на классы и противоположности города и деревни, противоположность умственного и физическаго труда сохранится в полной мѣрѣ. Отмѣча классоваго набора и ослабленіе даже классоваго отбора через приравненіе дѣтей служилой интеллигенціи «дѣтям рабочих, чинов Красной Арміи и ОГПУ, дѣтям Общества политкаторжан» и других слоев пролетарской аристократіи столь же характерно для этой реставраціи, как и возстановленіе десятилѣтней общеобразовательной средней школы, вступительных экзаменов в вузы для всѣх без исключенія кандидатов и сокращеніе числа вузов через соединеніе «карликовых институтов» в крупныя многофакультетныя учебныя заведенія. А объявленная в этом году чистка учительскаго персонала от всѣх тѣх, кто «пристроился в педагоги, не имѣя достаточнаго педагогическаго образованія», означает уже и сокращеніе искусственно разбухшей во время «культурнохода» школьной сѣти до ея нормальнаго размѣра.

Таковы итоги послѣдняго завершающаго года пятилѣтки. Никакія постороннія силы не посягали на этот раз на коммунистическій идеал образованія. Он оказался раздѣнным изнутри, своѣй собственной отрицательностью, в результатѣ своѣй полной и неограниченной побѣды. В чем заключается своеобразіе этой новой реставраціи, в отличіе от той, которая наступила уже было в послѣдніе годы Нэпа и была вновь прервана пятилѣткой? Историческими реальными носителями процесса реставраціи были тогда, как мы знаем, хозяйственники, сильно прослоенные старыми слезами, національныя меньшинства, крестьянство и учительство. Сейчас всѣ эти силы уже разбиты, в значительной мѣрѣ даже уничтожены чисто физически. На этот раз носителем реставраціоннаго процесса является, по видимому, не кто иной, как старая гвардія коммунистической партіи, этот послѣдній осколок стараго режима, начинающій

чувствовать себя явно не по себѣ среди новаго, воспитаннаго революціей поколѣнія. Она, повидимому, не на шутку испугалась сама сейчас той волны arrogantнаго невѣжества, которая начинает все болѣе и болѣе захлестывать фабрики, заводы, государственныя должности и даже армию совѣтской страны. Отсутствие иностранной валюты для оплаты иностранных инженеров тоже, повидимому, сыграло при этом свою роль. Эта старая гвардія никогда не была педагогически заинтересована, и она ничего не имѣет в душѣ против старой педагогики, если только эта послѣдняя обѣщает защищать завоеванныя партией командныя высоты лучше, чѣм всѣ тѣ новыя методы, которые в теченіе 15-ти лѣтъ непрерывных экспериментов разоблачили себя сами как «лѣвацкое прожектерство». Замѣчательно, что в этом отношеніи старая гвардія находит рѣшительную поддержку среди лучших элементов самого новаго поколѣнія. Достаточно только просмотрѣть внимательно номера журнала «Красное Студенчество» за послѣдній год, чтобы убѣдиться в том, что в средѣ новаго поколѣнія растет своеобразное чувство неудовлетворенности, как бы своего рода «комплекс негодности». Как раз лучшіе элементы среди новаго поколѣнія «красных спецов» говорят об этом совершенно откровенно. «Я чувствую себя», пишет один из этих «красных спецов» (№ 13-14 за 1932 год упомянутаго журнала), «обманутым, снабженным фальшивым паспортом. Я имѣю диплом инженера, но у меня нѣтъ свѣдѣній и знаній, которыя ему соответствуют. Я хочу работать как инженер, а мои товарищи утѣшают меня, что из меня выйдет хороший директор. Этому надо положить конец. Партія и страна нуждаются не просто в специалистах, а в специалистах высокой квалификаціи, дурных специалистов нам не нужно. Я представляю собою прекрасный примѣръ того, как не умѣем еще мы вести борьбы, как легкомысленно мы жертвуем качеством ради количества». Этому новому поколѣнію, которое никогда не знало старой школы, всѣ послѣднія педагогическія мѣропріятія совѣтской власти представляются не реставраціей стараго, а самоочевидными средствами «поднятія качества работы». Как и старая гвардія, и молодое поколѣніе не имѣет ни времени, ни интереса размышлять над педагогическими проблемами. Оно хочет строить, а не бороться против стараго, ко-

того оно никогда не видѣло. Отрицаніе стараго, к которому сводилось все содержаніе коммунистическихъ теорій в области педагогики, ему чуждо. К тому же техницизмъ, возвращенный пятилѣткою, совершенно вытѣснилъ всякій интересъ к идеологии, такъ же какъ и самая «диктатура пролетаріата», повидимому, со-вѣсь уже утратила нынѣ свое идеологическое содержаніе, превратившись в простое стремленіе такъ или иначе удержать завоеванныя командныя высоты в рукахъ партіи. Элементаризація всего положенія в школѣ, о которой шла рѣчь выше, тоже немало содѣйствовала этому новому настроенію. Если в головы учительскаго молодяжка приходится вѣдирать сейчасъ простѣйшія истины о вытираніи пыли и провѣтриваніи комнатъ, то задача вѣдренія в его головы тонкостей коммунистической педагогики оказывается явно безнадежною. Безмѣрно разросшееся количество поглотило не только качество, но и самую проблему «новаго воспитанія» и с нею вмѣстѣ также и проблему воспитанія коммунистическаго.

Было неправильно думать однако, что отказ от коммунистическаго идеала образованія, возвращающій русскую школу к состоянію ея послѣднихъ лѣтъ Нэпа, означает реставрацію школы «старорежимной». Возстанавливаются сейчасъ только отдѣльные обломки старой русской школы, тѣ основные элементы всякой школы, безъ которыхъ невозможна какая бы то ни было образовательная работа. Пока что закладывается только фундамент будущей русской школьной системы, а о стилѣ возводимаго зданія теперешніе строители и не думаютъ. Да еще далеко до зданія и постройки: пока что только какъ-нибудь расчистить бы обломки, сложить изъ нихъ фундаментъ и шалаши для неотложной работы. Повидимому, развитіе русской школы пойдетъ в направленіи американизма, намѣчавшагося уже в послѣдніе годы Нэпа, — если не будетъ новыхъ потрясеній, и если за Нэпомъ школьнымъ, с котораго на этотъ разъ начинается коммунистическое отступленіе, послѣдуетъ Нэпъ экономическій и политическій, безъ котораго невозможно укрѣпленіе перваго. Гадать о формахъ предстоящихъ перемѣнъ и тѣмъ болѣе о контурахъ будущей русской школьной системы, сейчасъ преждевременно, да и выходитъ за предѣлы настоящей статьи.

С. Гессенъ.